Глава 10

От доступа к участию – к обществам знания для всех

Удастся ли завтра каждому найти свое место в обществах знания без какого бы то ни было различия как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения? Или же знания снова станут мощным принципом социального исключения, а стремление овладеть ими будет проистекать из преимуществ, которые обладающие знаниями получают над теми, кто ими не располагает? Еще в конце XIX века светлые умы разглядели в жажде знаний жажду власти. Наглядной иллюстрацией стратегического значения знаний в наше время является острота экономических различий между странами Севера и странами Юга, *утечка мозгов* из которых является одновременно и следствием, и причиной, а также все возрастающая роль *секретности*, наблюдаемая даже в демократических обществах (оборонная, промышленная или коммерческая тайна, секретные протоколы, конфиденциальные доклады или заметки).

Во многих областях знание уже сегодня превратилось в один из самых драгоценных ресурсов, который в XXI веке с каждым днем будет все больше обеспечивать доступ к власти и прибыли. Можно ли предположить, что этот ресурс, при всей его стратегической важности, станет в будущем предметом возрастающей конкуренции? Не настанет ли день, когда определенное число стран будет стремиться овладеть им любой ценой? Возникнут ли в будущем *войны знаний*, подобно тому, как в прошлом возникали опийные или нефтяные войны? С другой стороны, коллективные усилия по совместному использованию знаний требуют работы мысли, умения понять другого, способности подвергать сомнению свои убеждения или открываться навстречу непривычному или неизвестному, воли к сотрудничеству и чувства солидарности. Общества знания прошлого по большей мере строились на различных режимах исключения - знания в них были в значительной степени уделом узких кругов посвященных или привилегированных. Общества знания XXI века, далеко ушедшие от этой элитарной концепции, смогут вступить в новую и длительную эпоху развития человечества лишь при условии, что в них будет обеспечен не только *всеобщий доступ к знаниям*, но и *всеобщее участие в обществах знаний*.

От когнитивного разрыва к совместному пользованию знаниями

Устремления, руководящие построением обществ знания, основаны на убеждении, что знание как источник *приобретения самостоятельности и расширения способностей*, может стать решающим инструментом развития. Действительно, в экономических системах, основанных на знаниях, главным источником доходов становится человеческий капитал. Более того, мы уже видели, что знание является одновременно и ключом к расширенному пониманию развития, идет ли речь о развитии человека или о долгосрочном развитии в целом. Расцвет обществ знания во всемирном масштабе станет, таким образом, единственным шансом для менее развитых стран наверстать свое отставание от промышленно развитых стран, используя общее распространение знаний.[1]

Однако существуют два наблюдения, заставляющие нас с большей осторожностью относиться к этой многообещающей гипотезе. Прежде всего, как мы

уже видели, в сфере знания существует глубокое неравенство между богатыми и бедными странами. Один из порочных кругов слаборазвитости состоит в том, что она возникает вследствие недостатка знаний и, в свою очередь, усиливает его. Во-вторых, расцвет мирового информационного общества обеспечил через различные средства массовой информации распространение значительного объема информации и знаний[1]. Возможности социальных групп и стран в отношении доступа к информации, позволяющие обрабатывать этот все возрастающий поток данных или знаний, совершенно не одинаковы. Социально-экономические категории, находящиеся в самом неблагоприятном положении, не только имеют ограниченный доступ к информации или к знаниям (*количественный разрыв*), но и усваивают гораздо меньше информации и знаний, чем категории, занимающие более высокое положение на социальной лестнице. Аналогичный разрыв может наблюдаться и между разными странами. Так создается дисбаланс в отношении к знанию как таковому (*когнитивный разрыв*). При равном доступе к знаниям, объем сведений, усваиваемый лицами, имеющими более высокий уровень образования, значительно выше, чем у тех, кто не имел или имел ограниченный доступ к образованию. Таким образом, повсеместное распространение знаний не только не сокращает разрыв между более и менее передовыми странами и отдельными людьми, но может и увеличивать его. Значит ли это, что знание может быть инструментом развития, но не инструментом наверстывания? Может ли сегодня перспектива, содержащаяся в развитии обществ знания, стать реальностью для всех стран мира и для всех граждан планеты?

Сделанные в предыдущих главах наблюдения о развитии телекоммуникационных инфраструктур, о потенциале НИОКР, о значении инноваций для экономики разных стран, об уровне грамотности и качестве образовательных систем, о способности собирать данные и применять приобретенные знания на местах, позволяют со всей очевидностью сделать один и тот же вывод: не все страны фактически равны перед задачами, связанными с приобретением знаний. На совокупность разрывов, описанных выше – идет ли речь о *количественном разрыве* между «подключенными» и «брошенными на произвол судьбы» членами мирового информационного сообщества, *о научном разрыве*, об *образовательном разрыве* или о *культурных разрывах*[2] (не говоря о разрывах, связанных с определенными категориями граждан, например, молодежью и пожилыми людьми, женщинами, меньшинствами, мигрантами или инвалидами), – накладывается фундаментальный разрыв. Данная линия разлома представляет собой не что иное, как *когнитивный разрыв*, отделяющий тех, кто имеет доступ к знаниям и участвует в обмене знаниями, от других, оказавшихся на обочине обществ знания. Для адекватного описания когнитивного разрыва можно воспользоваться систематической оценкой ситуации в этой сфере в разных странах, на основании сводного показателя, включающего совокупность параметров, связанных с производством, распространением, использованием или усвоением знаний (см. вставку 10.1).

Мировое неравенство в сфере знаний

Между странами Севера и Юга существует огромный когнитивный разрыв. Лучшим доказательством тому служат статистические данные о заявках на лицензии и патенты, подаваемых в мире[5]. Первый урок, который мы можем извлечь из этих данных, состоит в том, что такой дисбаланс в сфере интеллектуальной собственности усиливает экономическое неравенство между промышленно развитыми и развивающимися странами. Однако есть и второй урок: даже страны одного и того же географического региона могут сильно отличаться друг от друга с точки зрения конкурентоспособности. Таким образом, речь идет о многообразном когнитивном разрыве - к фундаментальному разрыву типа «Север-Юг» добавляется разрывы «Север-Север» и «Юг-Юг»[6]. Наличие такого неравенства между странами в области знаний имеет одно важное и крайне тревожное последствие: речь идет об *утечке мозгов*, от которой сегодня страдают не только развивающиеся страны, недостаточно оснащенные инфраструктурами знания, но и страны с экономикой переходного периода и передовые, развитые в промышленном отношении страны.

Принимая во внимание государственные и частные инвестиции в сферу науки и новых технологий, страны, пораженные утечкой мозгов, страдают и от того, что часть элиты их обществ мигрирует в страны, конкурентоспособность которых основана на научном и техническом потенциале высокого уровня, а также на способности принять у себя зарубежную квалифицированную рабочую силу и предоставить ей лучшие условия для работы. Таким образом, существует риск того, что неравенство в сфере знаний не только сохранится, но и будет усиливаться: мы присутствуем при расширении пропасти между центрами,

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

Вставка 10.1 К показателю развития знания?

Попытка точного описания когнитивного разрыва предполагает, что мы можем измерить его и найти для него достоверное статистическое выражение. Наиболее предпочтительным инструментом оценки развития в комплексных областях деятельности человека является сводный индекс, поскольку он объединяет то или иное количество показателей; к числу подобных показателей относится «Индекс человеческого развития», разработанный ПРООН.

Построение индекса развития знаний (*Knowledge Development Index*) стало предметом ряда национальных инициатив (в частности, Малайзии[3]) и международных инициатив (*индекс обществ знания* департамента экономических и социальных проблем ООН)[4]. Однако создание надежного и точного индекса представляет собой нелегкую задачу, так как знание является одним из наиболее сложных объектов – именно поэтому трудно избежать и ряда недостатков.

Индекс обществ знания, опубликованный ООН, опирается на подробный экспертный анализ развития обществ знания. В нем обобщен широкий спектр факторов, распределенных по трем основным осям, или субиндексов, скомбинированных таким образом, чтобы они давали единый показатель. Однако теоретическая сила подобного инструмента является одновременно и его слабостью, так как, чтобы быть точным, индекс должен объединять очень большое число параметров. Поскольку окончательная цифра выводится из сочетания трех субиндексов, не всегда легко понять, какие именно факторы позволяют выделить показатели сравниваемых стран. Более того, поскольку данное исследование требует большого объема данных, оно может опираться только на страны, которые в состоянии их предоставить, иными словами – на 45 стран, в том числе только одну страну Африки. Следовательно, при таком подходе возникает риск недостаточно полного отражения реального состояния предмета исследования (в данном случае –обществ знания), что делает исследование мало полезным для большинства развивающихся стран, так как когнитивный разрыв сам по себе проявляется в затруднениях с предоставлением характеризующих их качественных цифровых показателей (иными словами, возможность создания индекса знания обусловлена, прежде всего, качеством и количеством данных, которые можно собрать).

Индекс развития знания, созданный на национальном уровне по инициативе правительства Малайзии, основан на 25 показателях, распределенных по четырем измерениям, или субиндексах (компьютерные инфраструктуры, образование и обучение, инфоструктуры, НИОКР и технологии). Помимо того, что число учитываемых факторов очень велико, трудно оценить их вес в построении окончательной цифры. Кстати, изучение субиндексов показывает, что в некоторых странах получаются почти одинаковые показатели для каждого субиндекса, а это, судя по всему, говорит о том, что при выборе факторов имеет место некоторая избыточность, и что, соответственно, можно было бы отобрать меньшее количество факторов.

Изучение данных инициатив показывает, что для выработки индекса знаний необходимо устранить сложные технические препятствия. Поставленная задача тем более сложна, что эти индексы иногда оказываются недостаточно понятными для людей, далеких от статистики, которые могут увидеть в них скорее повод для классификации – и оценки – стран, чем для изучения их многообразия. Более того, такие недостатки прочтения могут иметь нежелательные последствия, поскольку страны будут сосредоточивать внимание на повышении своего места в индексе, используя его в качестве жесткой точки отсчета, вместо того, чтобы бросить все усилия на решение конкретных проблем изучаемых областей: индекс, взятый сам по себе и безотносительно к местным условиям, становится весьма малоценным. Однако такое неправильное использование индексов не должно заставлять забывать о том, что их первая задача состоит в выявлении областей, требующих принятия конкретных мер. Соответственно, препятствия, затрудняющие построение качественного индекса знаний, не должны стать причиной для прекращения действий в этом направлении, поскольку подобный инструмент мог быть принести огромную пользу всем тем, кто так или иначе участвует в производстве, распространении, использовании, сохранении знаний и управлении ими. Таким образом, изучение возможности построения индекса знаний следует продолжать.

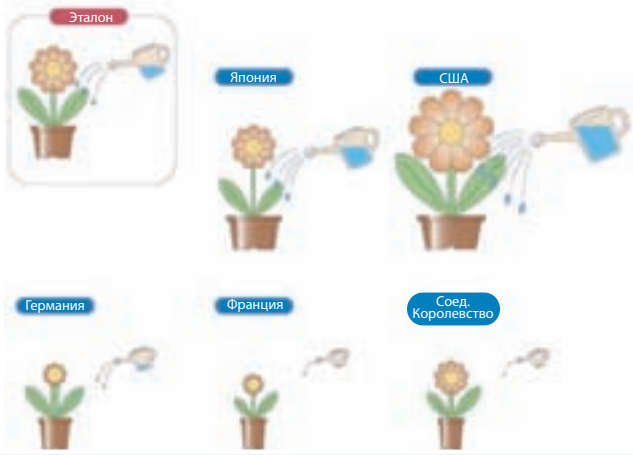
При этом разработка подобного индекса могла бы способствовать решению серьезных проблем двух порядков: научной обоснованности и простоты прочтения. В силу этих двух требований, можно рассматривать такие меры по развитию знаний в данной стране или в данном регионе, которые не сводились бы к простым цифрам, а включали бы динамические представления и позволяли получить общую картину. Так, например, диаграммы-паутины (см. вставку 10.3), позволяют охватить одним взглядом несколько измерений. Хороший пример такого представления можно найти в *методике оценки знания* (*Knowledge Assessment Methodology*) Всемирного банка, дающей пользователю возможность строить собственные диаграммы в режиме «он-лайн», выбрав нужные ему данные из 80 показателей, разбитых на семь групп (эффективность, экономический режим, управление, инновации, образование, информационные и коммуникационные технологии, гендерные данные).

Вставка 10.1 К показателю развития знания?

Министерство образования, культуры, спорта, науки и техники Японии разработало не лишенный интереса способ представления группы инновационных показателей. Каждой стране соответствует горшок, цветок или лейка. Размер горшка символизирует эффективность экономики страны, размер лейки – инвестиции в исследования и внедрение разработок, а размер цветка – результаты действия систем НИОКР. Преимуществом такой наглядной системы является то, что она позволяет одним взглядом оценить как количественные, так и более качественные аспекты, например, взаимосвязь различных оцениваемых параметров. Инструменты такого рода помогают увидеть, что один показатель не имеет абсолютной ценности, и что его всегда нужно рассматривать в данном контексте.

Оценка обществ знания в форме индекса станет возможной только при условии учета комплексности, присущей деятельности в сфере знаний. Некоторые важные параметры знания, например, знания, типичные для данной местности или населения, по-прежнему не поддаются классическим методам измерения. Очень важно подчеркнуть, что индекс знания не служит для ранжирования стран или регионов: он должен использоваться для оценки и направления их достижений в точных и поддающихся измерению областях.

Инновационная модель Министерства образования, культуры, спорта, науки и техники Японии



Субиндексы	Части		Показатели	Япония	США	Германия	Франция	Соед. Королевство	Общая средняя
Вклад	• •	Горшок	Количество исследователей (на 10 000 человек)	72,8	111,4	25,5	16,0	15,9	48,3
	• •	Количество воды	Расходы на НИОКР (млн. млн. йен)	16,3	28,5	5,0	3,0	2,9	11,1
Степень сотрудничества между промышленностью и научной областью	• •	Толщина стебля	Процентное отношение расходов на исследования со стороны промышленности	2,5	7,7	11,3	3,4	7,1	6,4
Отдача	• •	Лист (слева)	Количество зарегистрированных патентов	79,2	220,6	60,5	25,9	40,0	85,2
	• •	Лист (справа)	Количество научных статей	74 050	242 216	66 420	48 006	68 391	99 817
Результаты	• •	Лепестки	Экспорт технологических продуктов (в 100 млн. долларов)	102,3	380,3	28,4	23,2	62,3	119,3
	• •	Центр цветка	Доля высокотехнологических продуктов на рынке	13,2	25,5	10,0	7,1	8,7	12,9

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

где крайне высока концентрация знаний высочайшего уровня, и обширными периферическими областями, где знание становится все более «разреженным». Как показано в вставке 10.2, заполнить такой разрыв в знаниях между странами будет нелегко, ввиду того, что наиболее передовые страны постоянно раздвигают границы знания; тем самым, развивающиеся страны оказываются вовлеченными в гонку, конечного пункта которой в настоящее время никто не видит, ибо бегут они к постоянно удаляющейся линии горизонта.

Для преодоления растущей пропасти между наиболее продвинутыми в области знаний странами и остальными странами, меры по развитию в сочетании с активной политикой распространения знаний и с эффективной защитой интеллектуальной собственности, непременно должны затрагивать все формы отношения к знанию, в зависимости от шкалы приоритетов, соответствующей ситуации в каждой конкретной стране (см. вставку 10.3). Без этого мы рискуем сохранить экономику неравного обмена знаниями, при которой одни страны специализируются на производстве знаний, а другие – на извлечении выгоды из знаний, произведенных в других странах. Однако подобное решение связано с риском развития чрезмерной *когнитивной зависимости* и способно только породить глубокий кризис идентичности в зависимых странах. Желание построить мировую экономику знаний на принципе такой зависимости является нонсенсом, поскольку знание – это именно то, что обязано способствовать развитию *самостоятельности* и усилению возможностей. Риск возникновения специализации в мировом масштабе, которая привела бы к разделу мира на две когнитивные «цивилизации» (одной, основанной на производстве знаний, и другой, основанной на их потреблении или практической реализации), является, таким образом, одной из главных бед, которую важно избежать в обществах знания XXI века. Знание не может потребляться как конечный, готовый к использованию «упакованный» продукт, даже если оно передается в форме информации. Общества знания станут обществами знания *для всех* только при условии, что нам удастся преодолеть на практике асимметричное противостояние между производителями и пользователями когнитивного контента.

Вставка 10.2 Как бороться с утечкой мозгов: предложение президента Вада

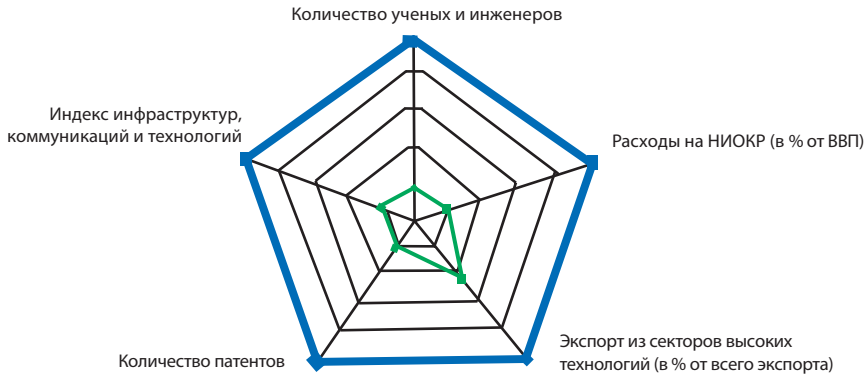
В условиях глобализации утечка мозгов из развивающихся стран во всемирные центры, находящиеся в промышленно развитых странах, представляет собой один из ключевых моментов в обмене знаниями во всемирном масштабе. В то время как миграционная политика западных стран идет в направлении ограничения потоков миграции по профессиональным и семейным каналам с Востока на Запад и с Юга на Север, но при этом все равно способствует утечке мозгов, так как предусматривает существенные исключения для дефицитных профессий, требующих высокой квалификации (например, информатика и медицина), важно организовать сбалансированную циркуляцию высококвалифицированного персонала и знаний, а также подлинное сотрудничество между странами и сетями специалистов.

Именно в это русло направлено предложение президента Сенегала Абдулая Вада, сделанное на встрече на высшем уровне Большой Восьмерки на Си-Айленде (июнь 2004 г.) и нацеленное на организацию обратного перетока мозгов: «Развивающиеся страны, либо посредством прямых затрат, либо посредством помощи, в течение десятилетий обучают кадры, которые, увы, закончив свое обучение и образование, поглощаются экономикой развитых стран. Такое отвлечение мозгов имеет не только финансовую стоимость, но также и опустошает развивающиеся страны, особенно африканские, в плане использования людских ресурсов. Поэтому предлагается производить компенсацию в форме отправки во встречном направлении, в Африку, специалистов из развитых стран за счет этих стран».

На первый взгляд, говорить о возможности одновременного развития всех параметров, характеризующих отношение к знаниям, может показаться утопией. Однако в действительности выдвижение подобной гипотезы заставляет снова задаться вопросом о точной природе обмена знаниями, к которому призывает ЮНЕСКО. Ибо такой обмен нельзя свести к обмену каким-либо редким ресурсом, который страны оспаривали бы друг у друга ввиду его способности обеспечивать нулевой или профицитный платежный баланс. Такой подход, унаследованный от эпохи меркантилизма, возможно и способен на какое-то время гарантировать превосходство

Вставка 10.3 К многомерному развитию обществ знания

Согласно предложению Франсиско Сагасти[7], облик данного общества знания можно представить в виде диаграммы, отражающей степень его развития относительно некоторых составляющих знания:



Как показывает ранее упомянутый «Третий перспективный план развития» Малайзии[8], данная диаграмма может также быть построена в более сложной форме:

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

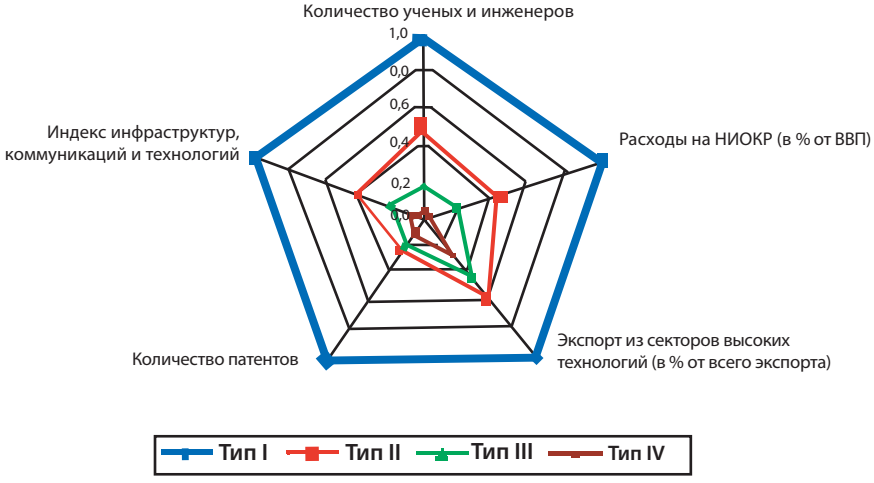
Вставка 10.3 К многомерному развитию обществ знания

Диаграммы такого рода отражают различные аспекты обществ знания, как количественного, так и качественного порядка (более или менее сбалансированное развитие различных рассматриваемых параметров).

Такие диаграммы облегчают проведение исследований разного типа:

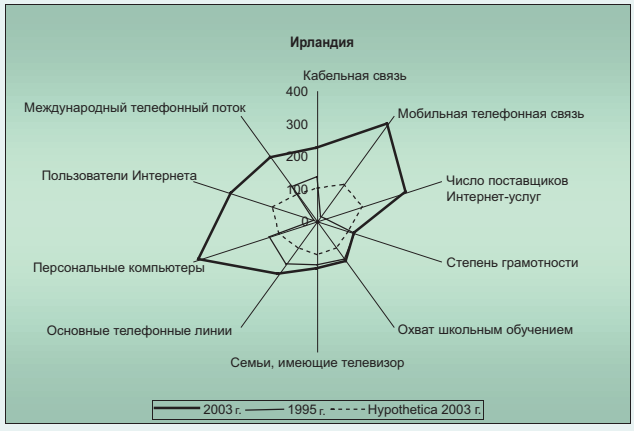
- они позволяют без труда отображать более или менее сбалансированный характер различных составляющих знания;

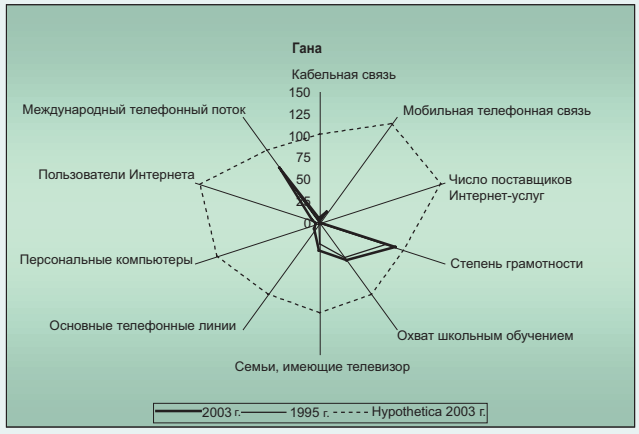
- они позволяют, как предлагает Франсиско Сагасти, определять различные фазы развития общества, представляющие, по его мнению, возможные этапы на пути продвижения к обществу знания:

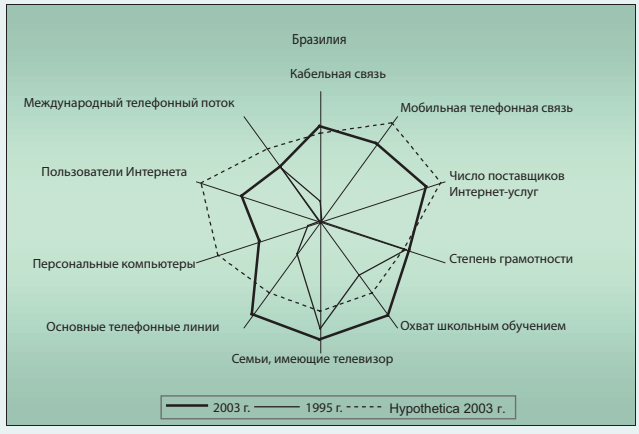


Вставка 10.3 К многомерному развитию обществ знания

- наконец, они помогают отображать в диахронном виде различные модели развития знания, например, в случае промышленно развитой страны (Ирландия), одной из наименее развитых стран (Гана) или новой промышленной страны, находящейся в процессе наверстывания (Бразилия):







Источник: Ж. Скиадас (2004).9

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

отдельных стран в области науки и информации или в области владения информационными системами; однако при этом не учитывается, что наиболее распространенным в мире природным (и «возобновляемым») ресурсом является способность к творчеству, нуждающаяся лишь в защите и в поощрении. Человечество может гораздо больше выиграть от совместного пользования знаниями, принимающего форму сотрудничества между самыми передовыми и наименее развитыми странами. Такое сотрудничество позволило бы использовать разнообразие когнитивных культур в масштабе всей планеты. Данные формы сотрудничества и совместного пользования знаниями имеют особое значение, так как они могли бы предоставить наименее развитым странам средства для полноправного участия в процессе развития обществ знания, что пока происходит крайне редко.

Когнитивный разрыв и развитие в обществах знания

Является ли существование когнитивного разрыва по-прежнему непреодолимым препятствием для наименее развитых стран? Правомерно ли считать, что появление обществ знания откроет более обнадеживающие перспективы? Специфические особенности экономики знаний позволяют нам увидеть несколько возможных выходов. Если развивающиеся страны желают догнать наиболее передовые страны, им следует реинвестировать плоды своего реального роста в усиление собственной базы производства знания (или *когнитивного потенциала*), как это уже сделали большинство стран Восточной и ряд стран Юго-Восточной Азии. Кстати, *разница в уровне* знаний сама по себе не является недостатком и может, напротив, стать движущей силой для его повышения[10], что наглядно показывает сам учебный процесс, где, по крайней мере, на первых порах, существует различие в уровне знаний между учителем и учеником. Динамика разницы в уровне знаний (*knowledge gap*) как источник мотивации развития может, таким образом, превратиться в мощное средство преодоления когнитивного разрыва *(knowledge divide*). Однако эту гипотезу можно будет проверить только в том случае, если развивающиеся страны резко увеличат свои инвестиции в создание реальной когнитивной базы, улучшая при этом условия, способствующие обмену и распространению знаний (правильное управление, свобода выражения и т.п.) и применяя на практике знания, выработанные на местах. Именно при этих условиях страны Юга смогут в один прекрасный день стать действительно конкурентоспособными на рынке знаний (см. вставку 10.4). Было бы также желательно, чтобы они не прекращали своих усилий и перешли от непродуктивных расходов к более смелому бюджетному арбитражу, и чтобы международное сообщество – в частности, самые богатые страны – со своей стороны, осуществило бы шаги, свидетельствующие о солидарности.

Вставка 10.4 Развитие обществ знания возможно и в странах Юга

Некоторые многообещающие примеры дают основания считать, что построение общества знания возможно не только в богатых странах - главное, это наличие достаточной политической воли. Так, в 1980-х годах, Ботсвана добилась в сфере образования значительно больше успехов, чем те, на которые можно было рассчитывать, учитывая уровень доходов страны. Можно также упомянуть пример штата Керала (Индия), где доход на душу населения в 99 ниже аналогичного показателя США, что не помешало ему, однако, благодаря высокому качеству научной инфраструктуры, вывести Индию на восьмое место в мире по количеству научных публикаций. В 2001 году уровень грамотности населения в штате Керала составил 90,9%. Можно также привести пример блестящего опыта города Вилла эль Сальвадор (Перу). Этот город, насчитывающий примерно 400 000 жителей и возникший в 1971 году посреди трущоб пригорода Лимы, благодаря решимости своих граждан сумел полностью покончить с неграмотностью, невзирая на самые неблагоприятные условия: в 1998 году 90000 детей возрастом от 6 до 16 лет посещали начальную или среднюю школу; кроме того, в городе насчитывается 10 000 студентов, обучающихся либо в местном университете, либо в высших учебных заведениях Лимы.

Женщины в обществах знания

Внимательное изучение роли и места женщин в обществах знания выявляет еще одну характерную особенность когнитивного разрыва: он способствует усилению асимметрии, существующей в недрах общества. Юридически мужчины и женщины обладают равными правами в отношении знания, но так ли обстоит дело фактически? Создается впечатление, что универсалистские устремления обществ знания на деле наталкиваются на усиление «гендерного» неравенства. Изначально рассматривавшаяся в качестве перспективы обучающихся обществ ситуация, при которой «не имеющие пола участники» будут вести диалог и обмениваться знаниями на виртуальной *агоре*, теперь кажется весьма отдаленной[11]. Напротив, в настоящее время появляется много исследований в области когнитивных наук, авторы которых стараются подчеркнуть, что наши половые особенности оказывают сильное влияние на способность к познанию и общению, причем разнообразие индивидуальных речевых особенностей обогащает способы познания. Между тем большинство навыков, требуемых для деятельности, традиционно считающейся чисто мужской или чисто женской, на самом деле идентичны: не следует ли из этого, что условия для неравенства между мужчинами и женщинами в отношении знания создают социо-культурные, а вовсе не когнитивные различия? Следует ли считать, что такое усиление гендерного неравенства носит временный характер, или же общества знания создают условия, мало благоприятные для равенства полов?

Гендерный разрыв и когнитивный разрыв

Равенство полов является одной из главных задач, встающих при создании обществ знания. Ибо последние не смогут стать подлинными обществами совместного пользования знаниями, если в них не войдет более половины мирового населения. Четвертая Всемирная конференция по положению женщин, организованная ООН (Пекин, 1995 г.), оказала решающее влияние на осознание роли знания и новых технологий в привлечении женщин к участию в мировой экономике и становлению их самостоятельности, особенно, что касается женщин из развивающихся стран. Однако бедность, гендерная дискриминация, неграмотность, языковые барьеры, отсутствие инфраструктур и недостаточная компетентность в информационной сфере в значительной мере затрудняют доступ женщин к мировому информационному сообществу и, следовательно, к знаниям и сведениям, необходимым для участия в создающихся обществах знания. В то же время перспектива развития обществ знания ставит эти проблемы во всей их остроте: сегодня, более чем когда-либо, важно, чтобы женщины имели доступ не только к новым технологиям, но также и к образованию, исследованиям и к местам реализации своих свобод.

Гендерное неравенство усиливается также за счет трудностей с продолжением образования, с которыми сталкиваются женщины. Из 785 миллионов неграмотных, насчитывающихся в мире, около двух третей составляют женщины.[12] В данной области гендерные различия особенно сильно выражены в арабских государствах, в странах Африки к югу от Сахары, а также в Южной и Западной Азии. Кроме того, во многих развивающихся странах существует множество обычаев и социо-культурных традиций, затрудняющих женщинам доступ к образованию, к получению кредитов, к работе и к деятельности в целом. Данная ситуация, хотя и в меньших масштабах, наблюдается и в промышленно развитых странах. Неравенство полов в отношении знания в той или степени присутствует практически во всех обществах, однако оно проявляется по-разному в зависимости от уровня промышленного развития страны. В странах, прошедших путь быстрого развития в сфере новых технологий, доступ женщин к образованию, к работе или к мультимедийным средствам, похоже, уже можно считать обеспеченным[13], хотя в определенных сетях высших учебных заведений или в таких областях профессиональной деятельности, как наука, инженерное дело или торговля, можно обнаружить значительное неравенство. Кстати, во многих исследованиях было отмечено существование так называемой неосознанной дискриминации, начиная с сокращения перспектив профессионального роста после появления первого ребенка и кончая недостаточным вниманием к голосу женщин со стороны принимающих решения лиц. Иногда даже, не желая мириться с реальным существованием такой негласной дискриминации, женщины пытаются компенсировать ее за счет удвоения своих усилий.

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

Как восстановить гендерное равенство в отношении знаний?

Для того чтобы женщины имели действительно равные с мужчинами шансы в сфере знаний, важно, чтобы они получили доступ не только к общему образованию, но и к образованию, специально ориентированному на высокие технологии, особенно в обществах, где мужчины традиционно занимают доминирующее положение. Владение технологическим инструментарием принципиально важно, особенно для стран, где не хватает преподавателей или документальных ресурсов. Кроме того, обучение женщин новым технологиям может облегчить им путь к финансовой независимости, так как благодаря таким технологиям они смогут выполнять разнообразную работу на дому (дистанционная занятость). Особенно перспективным данное новшество представляется для стран, где женщины традиционно стремятся оставаться дома. Необходимо также следить за увеличением числа женщин, обучающихся научно-техническим профессиям, и это в особенности относится к обществам знания.

Кроме того, расцвет обществ знания может предоставить женщинам новые возможности улучшения своего положения. Как раньше женщины могли получать информацию или знания в обществах с традиционным доминирующим положением мужчин, если им был затруднен доступ в места получения знаний, и они, как правило, оставались прикованными к дому, а их роль в сфере знаний обычно ограничивалась первичным приобщением детей к знаниям или к устройствам, облегчающим познание? Теперь же в обществах знания, благодаря телефонам, телевидению или Интернету, информация будет все более и более эффективно доставляться непосредственно туда, где проживает человек. Отныне семейный очаг сможет стать и очагом большей свободы как для женщин, так и для мужчин, а также местом, где будут открываться новые возможности благодаря развитию системы образования для всех на протяжении всей жизни.

Обретению самостоятельности женщин может, кроме того, способствовать и практика развития кооперативов или микрокредитования; в развивающихся странах эти варианты благоприятствуют развитию одной из форм практического образования, успех которой, однако, зависит от уровня самостоятельности заинтересованных лиц и от степени ограничения их инициативы в использовании имеющихся ресурсов. Новые технологии облегчили также создание разнообразных ассоциаций, позволяющих женщинам выйти из своей относительной изоляции, а мужчинам – лучше понять положение женщин. Объединение женщин разного уровня и разного происхождения также открывает путь к новой форме солидарности: самые передовые женщины делятся опытом с наиболее обделенными, и это способствует тому, что сообщество в целом начинает лучше осознавать свои проблемы.

Каковы перспективы положения женщин в обществах знания?

Для обеспечения социо-культурных перемен, необходимых для искоренения дискриминации женщин, мужчинам также придется принять участие в общей дискуссии о месте женщин и мужчин в обществах знания, в основе которых лежат отказ от сексистских предрассудков и неприятие невежества. Проблема выбора способа преодоления остаточной дискриминации будет непростой с политической точки зрения: придется ли прибегать всякий раз, когда это окажется нужным, к мерам поощрения различных форм паритета или к так называемой «позитивной дискриминации» (*affirmative action*)? В то же время все возрастающее место знаний в жизни женщин предоставляет им новые возможности укрепления своей независимости в обществах знания. С учетом того, что женщины проявляют все большую активность в освоении новых когнитивных инструментов, интересную альтернативу представляет и «дистанционная занятость», позволяющая семьям, в которых работают оба супруга, избежать ситуации, при которой один из партнеров, чаще всего женщина, нередко оказывается вынужденным отказываться от любой формы профессиональной деятельности.

Более активное участие женщин в экономике знаний в развивающихся странах позволило бы ускорить темпы наверстывания и сокращения всемирного когнитивного разрыва. В промышленно развитых странах более успешная интеграция женщин могла бы позволить в течение ближайших десятилетий решить многие проблемы, например, нехватку квалифицированного персонала или совмещение работы с семейными делами. Задачу, которую предстоит решить обществам знания для улучшения положения женщин, можно описать простыми словами: пока женщинам не будет гарантирован повсе-

местный и справедливый доступ к знаниям наравне с мужчинами, невозможным будет и по-настоящему совместное пользование знаниями. Обеспечение равенства полов имеет важнейшее значение для развития общества и для расцвета демократии в этом обществе. Таким образом, степень участия женщин в обществах знания станет главным показателем, который позволит определить, существуют ли в действительности шансы на осуществление других обещаний в отношении женщин.

Всеобщий доступ к знаниям: совместное пользование знаниями и защита интеллектуальной собственности

Когнитивный разрыв, наглядным примером которого является гендерное неравенство в вопросах знаний, показывает, какой потенциал отчуждения заложен в обществах знания, развитие которых ограничивается одной лишь сферой экономики, основанной на знаниях, при расширенном воспроизводстве старых методов социальной стратификации. Без развития новой *этики знания* на базе совместного использования знаний стремление наиболее развитых стран капитализировать свое преимущество приведет лишь к тому, что самые бедные страны окажутся лишенными *важнейших когнитивных благ* (например, новых знаний в сфере медицины и агрономии или новых средств обучения), а также к созданию среды, мало пригодной для приобретения знаний. Таким образом, *всеобщий доступ к знаниям* должен оставаться столпом, на который опирается переход к обществам знания. Эффективное внедрение всеобщего доступа к знаниям предполагает установление определенного баланса между правами правообладателей и пользователей когнитивного контента, между системой защиты интеллектуальной собственности и знанием (или информацией), имеющим общественное значение. С этой целью ЮНЕСКО обязалась «способствовать свободному и всеобщему доступу к информации, являющейся общей собственностью, в интересах образования, общества и культуры»[14] и в 2003 году приняла для этого «Рекомендацию о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству»[15]. Ибо, независимо от характера информации и от истинного масштаба знаний, могущих быть отнесенными к сфере общей собственности, необходимо прежде всего убедиться в том, что к их содержанию обеспечен действительно всеобщий, без какой-либо дискриминации, доступ, что на практике имеет место далеко не всегда. А ведь именно информация, являющаяся общей собственностью, способствует развитию *человеческого капитала* и *творческого начала* в обществах знания, нацеленных на обеспечение самостоятельности и развития для всех. Важнейшую роль могут здесь сыграть государства, в частности, когда речь идет об идентификации и раскрытии залежей информации и знаний, являющихся общей собственностью, или об обеспечении доступа в режиме «он-лайн» (через сайты административных органов) к государственным документам, представляющих интерес для граждан.

Знание: достояние всего общества

Независимо от того, какую выгоду можно извлечь из общего роста экономики, основанной на знаниях, последние невозможно приравнять к каким-либо иным благам, являющимся предметом рыночного обмена или продажи. Действительно, знание обладает двумя особыми свойствами: оно *не является объектом соперничества* и (по истечении периода защиты, гарантированной правом на интеллектуальную собственность) *не обладает исключительностью*. Первое свойство знания отражает особенность, о которой говорил еще Томас Джефферсон, а именно, что его использование одним человеком не препятствует его же использованию другими. Второе свойство означает, что, как только знания становятся общественным достоянием, каждый может ими пользоваться свободно. Как указано в трудах лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Сэмюэлсона, обе упомянутые особенности характеризуют *общественное благо*. Следовательно, знания как таковые не могут являться предметом эксклюзивной интеллектуальной собственности: в режим интеллектуальной собственности может войти только выражение идеи или изобретение, а никак не исходные факты или идеи, лежащие в их основе. Иными словами, правами интеллектуальной собственности может быть защищено только выра-

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

женное в форме информации знание, даже если порой бывает трудно отделить знание как таковое от его формального выражения.

Само знание как неистощимый общедоступный ресурс (*commons*) является если не *всемирным общественным благом* (см. вставку 10.5), то, по крайней мере, «*совместным общественным благом*»[16]. Ибо знание не только не может рассматриваться, как товар, подлежащий коммерциализации наравне с другими, но и ценность оно приобретает лишь в случае его повсеместного использования. Такой способ присвоения в режиме всеобщего пользования издавна описан юристами. Так, в отношении физических предметов в римском праве проводилось различие между *res communes* (тем, что является общей собственностью и доступно обществу на основании закона), *res nullius* (тем, что не может быть предметом обладания и, вследствие этого, является общедоступным) и *res publicae* (то, что является предметом собственности некого сообщества). В отличие от информации, приобретающей только тогда ценность, когда она является свежей и малоизвестной, знания по своей природе долговечны: они увеличиваются и углубляются со временем, благодаря получаемой огласке и совместному их использованию. Перефразируя африканскую пословицу, можно сказать, что знание подобно любви: это – единственное, что увеличивается, будучи разделенным.

Совместное пользование знаниями является краеугольным камнем практической деятельности и ценностей, на которых должны строиться общества знания; оно не может рассматриваться как распределение одного целого, которое всем раздается по частям, как добыча. Совместное пользование знаниями не может сводиться к дроблению сведений или к распределению навыков, с помощью которых каждый мог бы самостоятельно развивать определенную область специализации и компетенции. Развитие знания требует сотрудничества со стороны всех. Часто самые новые идеи проистекают из самых древних знаний, а часто – из опровержения сведений, которые ранее считались очевидными. В сетевых обществах возможности обмениваться и делиться знаниями расширяются: эти общества являются средой, особенно благоприятной для знания, поскольку предоставляют конкретные условия для обеспечения всеобщей доступности знаний, правда, пока что скорее в виде обещания, еще не реализованного в мировом масштабе. В складывающихся обществах знания дух совместного пользования знаниями должен развиваться параллельно другим ценностям, таким, как открытость и любознательность. При этом новые формы общественной сетевой жизни, развившиеся, в частности, благодаря Интернету и способствующие обмену, взаимодействию и общему пользованию знаниями, являются горизонтальными и неиерархическими. Таким образом, есть законные основания надеяться, что развитие когнитивных способностей каждого в обществах знания будет происходить не исключительно в виде конкуренции или даже необходимого соревнования, а в духе сотрудничества во имя общего блага – это прекрасно иллюстрируют модели «совместных лабораторий», занимающихся научными исследованиями, или программные продукты *Open Source* в области информационных инструментов.

Подобный дух совместного пользования и сотрудничества может показаться весьма далеким от реальных условий конкуренции между фирмами в мировой экономике знаний. Однако возникновение сетевых обществ и сопровождающее его снижение стоимости транзакций способствуют появлению новых форм производственной организации[17], подразумевающих обмен и сотрудничество внутри самого сообщества. Возможность подобной схемы производства знаний лишний раз подчеркивает тот факт, что сетевые общества являются благоприятной средой для развития свободных типов организации - само устройство сетей создает в них условия для коллективного управления процессом совместного пользования знаниями. Решение участвовать в совместном пользовании знаниями предполагает, однако, что будут выполнены некоторые условия, среди которых одним из важнейших является то, что отдельные граждане, участвующие в таком сообществе, должны доверять информации, полученной в результате обмена и не чувствовать при этом, что они «теряют контроль». Ввиду существования мощной тенденции, ведущей к радикальному сокращению сферы общественной собственности, важно напомнить, что именно концепции и практика совместного пользования знаниями являются, возможно, единственными, позволяющими найти баланс между защитой прав на интеллектуальную собственность и распространением знания (или информации), являющейся общественным достоянием.

Вставка 10.5 Можно ли рассматривать некоторые знания как всемирные общественные блага?

Не выходит ли в некоторых случаях понятие *общественных благ* за национальные рамки? Существуют ли *всемирные общественные блага*? Идентификация таких всемирных общественных благ составляет предмет работы *Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century*, опубликованной в 1999 г. ПРООН. Авторы подчеркивают, что в контексте глобализации предоставление многих благ в сфере защиты окружающей среды, здравоохранения, образования или культуры может рассматриваться только на международном уровне. При этом существует множество вопросов, связанных с понятием *всемирного общественного блага*, чем, вероятно, можно в какой-то мере объяснить ведущиеся по его поводу оживленные споры.

Вопросы, связанные с понятием всемирного общественного блага

Под всемирными общественными благами понимаются блага, услуги или ресурсы, приносящие пользу стране, региону, или даже планете в целом. Однако точки зрения на природу этих благ и их «периметр» разнятся. Имеется ли в виду одно и то же, когда речь заходит, в числе всемирных общественных благ, об озоновом слое, о климате или о биологическом разнообразии (блага, связанные с защитой окружающей среды), об Интернете, об услугах в сфере образования или об объектах мирового наследия, в том числе о мире, здоровье, безопасности или знаниях?

Кроме того, существуют два конкурирующих толкования понятия всемирных общественных благ, соответствующие двум конкурирующим концепциям мирового регулирования. Одна из них рассматривает предоставление общественных благ в международном масштабе как средство восполнения «рыночных пробелов» (проблема естественных монополий, наличие негативных воздействий извне и т.п.): согласно этой концепции, вмешательство государственных властей не является необходимым, а пользование всемирными общественными благами может гарантироваться соглашениями контрактного типа, рынками «внешних воздействий» (например, рынком прав на загрязнение среды, предусмотренным Киотским протоколом), регулирующими инстанциями (государственными или частными) или методами коллективного управления ресурсами. Однако такой подход предполагает, что система способна практически сразу создавать преимущества для своих участников, независимо от источника мотивации. Другой подход делает упор на чисто политический характер *всемирных общественных благ*, указывая как на присущие им неконкурентность и неисключительность, так и на необходимость управления ресурсами на протяжении многих поколений. С этой точки зрения, именно политические решения и коллективный выбор определяют «периметр» всемирных общественных благ, чем и объясняется возможность отнесения к ним воды, воздуха, а также биологического разнообразия, международной безопасности, мира, и т.д.

Вопрос о всемирных общественных благах ставит также две важные международные проблемы: проблему всемирного управления (допускающего, в частности, существование некоего всемирного государства, которое, независимо от своей формы, несло бы ответственность за предоставление таких благ) и проблему границ между рыночной и нерыночной экономиками в мировом масштабе, причем управление этими благами предполагает коллективные международные действия со стороны как государственных, так и частных участников, а также регулирование со стороны независимых агентств.

В то же время концепция всемирных общественных благ часто становилась объектом критики. Некоторые аналитики считают, что она слишком часто используется в качестве инструмента риторики, что она не соответствует действительному поведению участников или затемняет реальную картину конфликтов и соотношения сил в международном масштабе. Встает также и вопрос более общего порядка о финансировании предоставления таких благ: по некоторым оценкам, на это может потребоваться 300 миллиардов долларов в год, то есть, в шесть раз больше, чем сумма, выделяемая в настоящее время на помощь развивающимся странам.

Можно ли рассматривать некоторые знания как всемирные общественные блага?

Участие лауреата Нобелевской премии по экономике 2001 года Джозефа Стиглица в ранее упоминавшейся публикации ПРООН ("Knowledge as Global Public Good") неизбежно вызвало дискуссию о том, следует ли вносить знание в перечень всемирных общественных благ. Безусловно, знание вполне отвечает условиям отсутствия соперничества и отсутствия исключительности, характеризующим общественные блага. Такое решение вопроса могло бы предоставить многообещающие возможности с точки зрения необходимости прояснения теоретических и практических способов разделения знаний в обществах знания. Однако некоторые эксперты полагают, что понятие знания включает слишком много различных реалий (изобретения, подпадающие под понятие интеллектуальной собственности, а также образовательные системы, базы научных исследований, некоторые практические навыки или ноу-хау), чтобы оно как таковое могло удовлетворять требованиям экономических критериев, определяющих всемирное общественное благо. Кроме того, как постоянно указывала ЮНЕСКО, предоставление услуг в сфере образования нельзя рассматривать только с точки зрения экономической теории, поскольку образование не является таким же товаром, как другие.

Тем не менее, размышляя о развитии наименее продвинутых с точки зрения знаний стран, очень важно поставить вопрос о том, нельзя ли причислить некоторые знания к таким всемирным общественным благам. В докладе о развитии в мире «*Знания на службе развития*», опубликованном Всемирным банком в 1999 году, подчеркивается, что предоставление общественных благ международного характера (*international public goods*) может способствовать сокращению неравенства в отношении знаний. В докладе в качестве примера приводится поддержка, оказываемая *агрономическим исследованиям* в мире со стороны Консультативной группы по международным сельскохозяйственным исследованиям, которая финансировала «зеленую революцию» из общественных фондов.

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

Доступ к научному знанию

Если исходить из принципа, согласно которому научное знание является «общественным достоянием», можно сделать вывод, что научные данные и информация должны распространяться как можно широкими и доступными методами, поскольку их благотворные результаты для общества прямо зависят от количества людей, способных разделять эти знания[18].

Некоторые из проводимых в настоящее время инициатив, связанных с информационными и коммуникационными технологиями, представляются весьма многообещающими с точки зрения возможностей всеобщего доступа к научным данным и информации. К их числу относится сеть ГРИД, позволяющая совместно использовать ресурсы памяти подключенных к Интернету компьютеров (см. главу 6), тогда как Паутина позволяет делиться только информацией. В то же время сохраняются некоторые «невидимые барьеры»: политика высоких цен, отсутствие технических инфраструктур, ограничительные режимы в области интеллектуальной собственности, и т.д. Первыми их жертвами становятся развивающиеся страны. Но это касается и научного сообщества в целом, учитывая тот факт, что наука все больше основывается на международном сотрудничестве.

Так, многие ученые опасаются, что избыточные приватизация и коммерциализация научных данных и информации могут повредить традиционной этике *совместного пользования знаниями*, сужая сферу всеобщего достояния и угрожая свободе доступа к общественным благам. Действительно, это могло бы привести к потере некоторых возможностей как на национальном, так и на международном уровне. Какими могли бы быть, например, последствия для исследований в сфере медицины, если бы коммерциализации подвергся проект генома человека? У этого проекта, открытого в конце 1980-х годов американским правительством, в 1998 году появился конкурент в виде проекта, поддерживаемого частным сектором. Именно в этот момент некоммерческий британский фонд Wellcome Trust присоединился к американскому правительству, значительно повысив его инвестиции в проект, в результате чего Сангеровский институт (поддерживаемый американским правительством) смог расшифровать треть из трех миллиардов «букв», из которых складывается геном человека. Сегодня научное сообщество имеет свободный доступ к полным последовательностям.

В то время как новые коммерческие возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, и проблема прав на интеллектуальную собственность вызывают неизменный интерес, значительно меньшее внимание уделяется такой важнейшей проблеме, как поддержание свободного доступа всех пользователей к источнику научных данных и информации, являющихся общественным достоянием.

Кроме того, ученым становится все труднее защищать свою работу, представленную в цифровом виде, поскольку сегодня появилась возможность бесконтрольного доступа к ней, и это приводит к тому, что некоторые специалисты требуют более строгой защиты интеллектуальной собственности информации, поступающей в Интернет. Где здесь должны проходить границы? Как сохранить и усилить возможности доступа общества к науке, не ограничивая при этом недопустимым образом коммерческие возможности и законные права авторов?

В 1996 году Европейский Союз ввел режим защиты баз данных, в силу которого защита, гарантированная на основании авторского права оригинальным базам данных, распространена на «неоригинальные» базы данных благодаря правилу *sui generis*. Впрочем, европейская инициатива в области правовой защиты баз данных пока остается единственным примером такого рода. Международный Совет по науке - организация, объединяющая научные учреждения - выразила серьезную сдержанность относительно этой директивы.

Хорошо известно, что большинство баз данных и архивов создаются и хранятся в странах Севера. В 2001 году на страны Латинской Америки и Карибского региона приходилось лишь около 0,2% существующих баз данных. Как показывает Клементе Фореро Пинеда (Университет Анд и Розарио, Колумбия), если существующая сегодня тенденция к более строгой защите баз данных будет и далее утверждаться, это создаст риск сужения доступа к научной информации и снижения роли ученых развивающихся стран в мировой науке.

В ответ на предложения Всемирной Организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и законодателей разных стран, пытающихся ввести новую форму защиты баз данных *sui generis*, которая выходит за рамки традиционных режимов лицензий и авторского права, Международный Совет научных союзов (МСНС) и его Комитет по научно-техническим данным (КОДАТА) создали «группу *ad hoc* по данным и

информации». В июне 2000 года эта группа предложила ряд базовых принципов, призванных способствовать свободному и полному доступу к базам данных, необходимых для образования и науки (см вставку 10.6).

Еще один повод для беспокойства научного сообщества, особенно в развивающихся странах, представляют завышенные тарифы и другие формы ограничений, практикуемые некоторыми правительственными организациями в отношении доступа к данным и научной информации.

Действительно, это наносит сильный удар по исследованиям, представляющим общественный интерес, способным производить наиболее важные знания на национальном, региональном или мировом уровне, например, в области метеорологии. Разумеется, любое производство или распространение информации имеет свою цену. Но для развивающихся стран эта цена часто оказывается запретительной. Что же следует сделать, чтобы цена соответствовала возможностям пользователя (а информация оставалась доступной), и чтобы, в то же время, условия производства и распространения позволяли привлекать необходимые инвестиции? Одним из решений могут стать льготные цены. Многие коммерческие издатели заинтересованы в распространении своих трудов в электронной форме на льготных условиях или даже бесплатно для развивающихся стран, как это осуществляется в рамках проекта HINARI (см. вставку 10.7) или

Вставка 10.6 Базовые принципы MCHC и CODATA, способствующие открытому и полному доступу к данным

Наука представляет собой инвестиции, осуществляемые в интересах общества. Посредством научных исследований и образования ученые способствуют созданию и распространению знаний. Это может иметь глубокие последствия для благосостояния народов и экономики разных стран. Наука представляет собой жизненно важные общественные инвестиции в наше будущее, благо, приносящее невероятные дивиденды.

Достижения науки требуют свободного и полноценного доступа к данным. Лучший способ принести пользу как науке, так и обществу, состоит в предоставлении им системы поиска и связи, в которых данные для анализа будут в минимальной степени подвержены каким-либо ограничениям. Традиция свободного и полного доступа к данным дала возможность совершить прорывы в науке, а также добиться успехов в экономике и государственной политике. Мысль о том, что отдельное лицо или организация могут контролировать доступ к явлениям природы или объявлять себя их владельцем, чужда науке.

Доступ к данным по коммерческой модели не подходит ни для исследований, ни для образования. Наука является коллективным предприятием, не признающим конкуренции. Никакой человек, никакое учреждение, никакая страна не в состоянии собрать все данные, необходимые им для решения серьезных научных проблем. Таким образом, чтобы обеспечить развитие науки и извлечь общественную пользу из ее достижений, необходима практическая система, стимулирующая обмен данными. Учитывая слабость бюджетов, выделяемых на научные исследования, делиться данными будет возможно только при условии приемлемого по цене доступа к ним. Если данные будут официально предложены исследователям по чрезмерно высокой цене, это будет равнозначно запрету доступа к ним. В особенности, это касается ученых из развивающихся стран.

Публикация данных необходима для проведения научных исследований и распространения знаний. Достоверность результатов исследования зависит от публикации данных, на которых они основаны и которые позволят коллегам воспроизвести эти результаты. Если публикация данных будет ограничена или если коллеги будут вынуждены заново создавать базу данных на основе оригинальных источников, это снизит возможности ученых в развитии знаний.

Интересы собственников баз данных должны уравновешиваться заинтересованностью общества в свободном обмене идеями. Учитывая размеры инвестиций, направляемых на сбор данных, и интерес, которые эти данные представляют для общества, необходимо также, чтобы данные служили как можно большему числу пользователей. Данные, собранные в самых разнообразных целях, могут оказаться полезными для науки. Юридические основы и позиция общества должны способствовать поиску баланса между правами отдельных лиц на данные и общественным благом, которое представляет собой обмен данными.

Законодателям следовало бы учитывать влияние, которое могут оказывать права интеллектуальной собственности на научные исследования и образование. Равновесие, обеспечиваемое существующим законодательством об авторском праве, при всем его несовершенстве, позволило науке развиваться. В то же время оно позволило и существование процветающей индустрии публикаций. Задачей любого нового законодательства должен стать поиск равновесия при сохранении гарантии полноценного и свободного доступа к данным, необходимым для науки и для образования.

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

как это делает *British Medical Journal* в области науки и образования, в частности, ориентируясь на пользователей в развивающихся странах, при условии строгого соблюдения авторского права.

Профессиональные научные общества и ассоциации, как и частные издатели, ищут оптимальный баланс между свободой доступа и экономической жизнеспособностью. Некоторые профессиональные общества и другие группы приняли модель свободного доступа, хотя большинство по-прежнему склоняется в пользу подхода, обеспечивающего более сильную защиту.

Ученые пришли к выводу, что если они хотят заставить прислушиваться к своему голосу по проблемам, касающимся научного сообщества в целом, им следует вступить в обсуждение этой политики.

Вставка 10.7 Некоторые новаторские инициативы по содействию доступу к научным данным и информации в режиме «он-лайн» по низким ценам

Программа поддержки научной информации (PERI), предложенная Международной сетью доступа к научной информации (создана ЮНЕСКО и Международным советом МСНС в 1991 году), обеспечивает за небольшую плату полный доступ (*full text*) в режиме «он-лайн» более чем к 8 000 журналов и баз данных. Онлайновые службы PERI облегчают исследователям, издателям, редакторам и библиотекарям доступ к результатам исследований на местах, а также оказывают им помощь в обучении пользованию Интернетом и технике электронных публикаций. Сеть *Африканский журнал в онлайновом режиме* (AJOL), управляемая Международной сетью доступа к научным публикациям, обеспечивает Интернет-доступ более чем к 50 журналам, издающимся в Африке - предоставляются как электронные версии статей (если таковые существуют), так и фотокопии документов, через специально созданные службы доставки (www.inasp.info/ajol/). (www.inasp.info/peri/).

Программа службы доставки электронных журналов (eJDS), осуществляемая Академией наук развивающихся стран (ТВАС) и Международным Центром теоретической физики (МЦТФ), осуществляет рассылку по электронной почте научных статей ученым, работающим в учреждениях развивающихся стран, где низкая пропускная способность сетей не позволяет легко скачивать материалы из Интернета (www.ejds.org).

С целью обеспечения онлайнового доступа к диссертациям и трудам африканских исследователей и студентов, Ассоциация африканских университетов создала в январе 2004 г. Базу данных африканских диссертацией (DATAD). База послужит инструментом контроля качества исследований, проводимых в Африке, поскольку другие исследователи смогут проверять содержание своих работ, а также позволит выявлять пробелы в исследованиях и избегать дублирования. На первом этапе DATAD будет включать электронные версии исследований, проводимых с 1990 года. На втором этапе будут добавлены работы, опубликованные с 1980 по 1990 годы; третий этап позволит включить исследования, проведенные до 1980 года.

Проект «Ptolemy» - плод сотрудничества между Бюро международной хирургии университета Торонто и Ассоциацией хирургов Восточной Африки (ASEA). Это простая модель, обеспечивающая связь существующего сообщества пользователей с большой университетской библиотекой. Она одновременно предоставляет как доступ к качественной электронной информации в области здравоохранения, так и механизм оценки ее пользы для участников. «Ptolemy» доставляет африканским хирургам в указанные места полезные и нужные сведения: он оказывает непосредственное и положительное влияние на их работы. Это простая, практичная и воспроизводимая модель, позволяющая заполнить «цифровой разрыв» путем создания новых возможностей для клинической работы, образования и исследований в Восточной Африке.

Инициатива бесплатных архивов (Open Archives Initiative) представляет собой Интернет-форум для обсуждения и согласованной доработки протоколов для напечатанных электронных архивов. Она также борется за то, чтобы ее протоколы были повсеместно приняты и доступны, невзирая на физические, институциональные и дисциплинарные границы. Данные протоколы гарантируют возможность взаимодействия различных электронных архивов, что позволит получить доступ к любой статье с любого компьютера, как если бы весь материал находился в одной виртуальной публичной библиотеке (www.openarchives.org).

Новой инициативой является также Доступ к всемирной онлайновой системе поиска информации по сельскому хозяйству (AGORA), цель которой состоит в предоставлении исследователям и другим ученым некоторых стран из числа наиболее бедных стран мира свободного и недорогого доступа к документации по пищевым продуктам, по питанию, по сельскому хозяйству и родственным темам в области биологии, социологии и экологии. AGORA обеспечит доступ более чем к 400 крупным журналам в этих областях и надеется обеспечить в перспективе повышение качества и эффективности исследований и образования в области сельского хозяйства в странах с низкими доходами. Инициатива исходит от ФАО, от библиотеки Манна Корнелльского университета, от Фонда Рокфеллера, от Министерства международного развития Великобритании и от Агентства США по международному развитию.

ЮНЕСКО с помощью МЦТФ создала виртуальную лабораторию ЮНЕСКО на CD-ROM. Она бесплатно предоставляет информацию и программные средства для создания виртуальной лаборатории. Лаборатория задумана таким образом, чтобы ученые развивающихся стран могли работать в простых виртуальных лабораториях (www.unesco.org/webworld/portal_freesoft/software/virtual_laboratory).

Публичная библиотека доступа к научной литературе (PLoS) - это некоммерческая организация ученых и врачей, ставящих целью превратить всемирную научную и медицинскую документацию в бесплатно доступный общественный ресурс. PLoS существует в электронном виде и в Интернете, позволяет создавать публичные научные библиотеки, содержащие полные тексты и данные из любой опубликованной научно-исследовательской статьи, свободно доступные всем и каждому, в любом месте. Она обеспечивает немедленный доступ, не имеющий ограничений с точки зрения научных идей, методов, результатов и выводов, способных ускорить развитие науки и медицины и обеспечить быстрое доведение положительных результатов исследования до сведения общественности. Чтобы повысить значимость этого инструмента, не хватает новой издательской модели в сфере коммерческой науки, которая рассчитывала бы стоимость публикации как последний этап финансирования научного проекта. Действуя совместно с учеными, их обществами и агентствами, финансирующими других издателей, PLoS стремится стать бесплатным депозитарием для любой опубликованной статьи и разработать инструменты, облегчающие ученым и обществу пользование документацией (www.publiclibraryofscience.org)

В 2002 году Journal of Postgraduate Medicine (JPGM), ежеквартальный журнал коллектива медицинского колледжа Seth G.S. и клиники K.E.M. в Мумбаи (Индия), присоединились к службе электронных публикаций Bioline International, предоставляющей свободный доступ к журналам. Сотрудничество между Bioline International и этим журналом является примером того, как журналы развивающихся стран могут извлечь пользу из совместного использования недорогой технологией и обеспечить более широкий доступ к своему контенту.

Благодаря Инициативе по обеспечению доступа к поисковой системе Международной сети здравоохранения (HINARI), предпринятой Всемирной организацией здравоохранения, аккредитованные государственные учреждения могут за небольшую плату пользоваться свободным доступом более чем к 2 000 крупным биомедицинским журналам (www.healthinternetwork.org).

Осознание этого привело к активной подготовке Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества. Кроме того, МСНС разработал ряд рекомендаций, учитывая начатое в 2002 году Европейской комиссией рассмотрение вышеупомянутого европейского режима защиты баз данных.

Поиск баланса между защитой интеллектуальной собственности и развитием знания, являющегося общественным достоянием

Как следует из ранее изложенного, совместное пользование знаниями отнюдь не снимает вопрос об их принадлежности. По мнению многих экспертов, важно найти новое равновесие между защитой прав интеллектуальной собственности и развитием знания, принадлежащего обществу, с учетом последних шагов, направленных на усиление мер по защите авторского права или лицензионных прав, а также все усиливающегося распространения некоторых форм пиратства, которому способствуют новые технологии. Новый цифровые технологии сильно изменили природу и масштабы воспроизведения контента во всем мире; отныне достаточно одного щелчка мышкой, чтобы создать отличного качества цифровую копию загруженного содержания – само его прочтение требует копирования, пусть даже и временного. Кроме того, после дела сети «Napster» с каждым днем выявляется все больший ущерб, нанесенный распространением обменных интерфейсов *peer-to-peer* как правам создателей контента, так и отраслям индустрии культуры, занятым производством и распространением их произведений. В то же время пересмотр в 1996 году договоров ВОИС, а также Соглашение по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность (*Соглашение ТРИПС*), обсуждавшееся в 1995 году в рамках договоров, ставшими основой создания Всемирной торговой организации, привели к тому, что интересы авторов поставлены выше интересов пользователей. Так, продолжительность срока защиты авторского права была увеличена на 20 лет (70 лет после смерти автора, вместо 50 лет), чтобы защитить правообладателей. О роли ЮНЕСКО в защите авторского права, см. вставку 10.8. Кроме того, были созданы новые категории прав на интеллектуальную собственность (например, факт «придания доступности» базам данных в Европейском Союзе). Наконец,

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

развиваются цифровые системы управления правами (*Digital Rights Management* или *DRM*), и это всего лишь некоторые из возможных примеров. Также можно видеть, что интеллектуальная собственность способствует развитию новых способов использования (практических, действующих на основе принципа «плати-и-пользуйся» или не подлежащих обсуждению лицензий, согласие с которыми следует подтвердить перед копированием программы). В разных странах данная эволюция принимает разные формы, в зависимости от специфики национальных прав на интеллектуальную собственность.

Такой дисбаланс противоречит самой логике, руководившей появлением режимов защиты интеллектуальной собственности. Достаточно напомнить, что изначально задачей режимов защиты интеллектуальной собственности было поощрение создания и производства знаний, а также внедрения этих знаний, путем установления *определенного* срока действия защиты прав на интеллектуальную собственность.

Вставка 10.8 ЮНЕСКО и защита авторского права

Согласно Уставу ЮНЕСКО, среди целей этой организации фигурирует цель облегчить «свободное обращение идей посредством слова и изображения», а также и обеспечить «доступ всех народов к тому, что публикует каждый из них». Для этого, организация поощряет сотрудничество между странами во всех сферах интеллектуальной деятельности и рекомендует заинтересованным народам международные конвенции на этот счет. Она поощряет также правительства к принятию мер, направленных на развитие творчества и создание литературных, научных, музыкальных или художественных произведений. Поэтому защита авторского права как важного средства поощрения творчества и инноваций, а также культурного развития, является частью мандата Организации с момента ее основания.

Сразу после Второй Мировой войны, когда многие страны по многочисленным причинам были не в состоянии принять нормы защиты, оговоренные в Бернской Конвенции об охране литературных и художественных произведений, представляющие собой самый старый инструмент в деле защиты авторского права, ЮНЕСКО поручили подготовить Конвенцию универсального характера, которая позволила бы государствам с различными правовыми традициями пользоваться международной защитой интеллектуальных произведений. Всемирная Конвенция об авторском праве, принятая в 1952 году, а затем пересмотренная в 1971 году, позволила распространить защиту авторского права на весь мир в результате разработки общего правового знаменателя и принятия мер, направленных на обеспечение повсеместного соблюдения прав создателей, а также на расширение международного обращения произведений, особенно образовательного характера.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии радикальным образом изменили условия обращения произведений и услуг, а также способов доступа к защищенным произведениям и их использования. Взаимоотношения между создателями, обществом и пользователями защищенных произведений существенным образом изменились. Хотя Интернет-договоры, принятые Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) в 1996 году, действительно позволили реально адаптировать защиту прав авторов и других правообладателей, многое еще не сделано. Авторам, артистам-исполнителям индустрии культуры, обществам коллективного управления и поставщикам доступа и услуг, библиотекам, ученым, потребителям, правительствам, законодателям и международным организациям предстоит еще пройти долгий путь, чтобы создать в духе взаимного понимания эффективные правовые условия, подходящие для обществ знания. Эта важная и срочная задача должна обязательно осуществляться наряду с мерами по воспитанию потребителей, в частности, самых молодых среди них, с целью повышения уважения к правам тех, кто своим творческим талантом способствует научному и культурному развитию сообщества в целом.

Авторское право основано на идее, что заинтересованность в защите творческих произведений и их создателей, а также заинтересованность в гарантии общественного интереса и основных свобод взаимно уравновешиваются. Это равновесие как раз и проистекает из одного из основных принципов авторского права, а именно – из поощрения развития науки и искусства и распространения культуры. В частности, ЮНЕСКО признает значение справедливого баланса интересов правообладателей и пользователей, когда произведения и исполнение становятся предметом использования в цифровой среде, будь то в сфере образования, научных исследований, библиотек, распространения информации и нужд слабовидящих.

В этих условиях политика ЮНЕСКО состоит в поощрении государств-членов не только к разработке эффективной политики в сфере авторских прав при строгом соблюдении международных конвенций в области интеллектуальной собственности, но также и в поощрении законного и всеобщего доступа к информации и знанию в целях прогресса науки и придания всеобщего характера образованию.

Именно в этих строгих рамках автору разрешено пользоваться вознаграждением, которое приносит ему его произведение; по истечении этого срока права автора на произведение заканчиваются, и произведение переходит в общественную собственность на благо всех. С экономической точки зрения, временные эксклюзивные права, которые интеллектуальная собственность предоставляет создателю, позволяет ему покрыть стоимость своих первоначальных вложений в знание. Тем самым, они являются мощными стимуляторами инноваций, поскольку повышают ценность позиции первопроходца на рынке. Они также предоставляют гарантии потребителям, которым необходимо доверять качеству продукции, подлинность которой удостоверена. Однако защита интеллектуальной собственности не является самоцелью: она представляет собой лишь стимул, который должен поощрять создателей и распространителей на увеличение количества производимых знаний. Существование общественной области в знаниях имеет такое же большое значение для производства знаний, как и стимул, создаваемый системой защиты интеллектуальной собственности: именно она позволяет каждому новому производителю знаний пользоваться общими ресурсами. Избыточное обращение к защите интеллектуальной собственности может оказаться контрпродуктивным. Ибо поощрение усиления защиты интеллектуальной собственности не сводится автоматически к поощрению инноваций: успехи программ *Open Source* или *Creative Commons*[19] показывают, что не менее плодотворными могут оказаться и другие экономические решения, отличные от систем охраны авторского права.

Требования развития ставят вопрос о необходимости поиска решений «по мерке» в сфере интеллектуальной собственности. Производители знания обычно начинают проявлять протекционизм лишь после того, как их предприятие уже твердо встало на ноги, тогда как в начале своего роста, на стадии поиска возможностей для инноваций, требующих знаний, их действия спонтанно сводятся к защите существования общественной сферы знания. В сфере развития не существует «единого размера». Поэтому следовало бы постоянно следить за тем, чтобы «измерять» последствия соблюдения национальных и международных норм защиты интеллектуальной собственности для наиболее бедных стран. Человечество в целом может только выиграть от более тесного сотрудничества между Севером и Югом, учитывающего как нужды развивающихся стран, так и стимулирующую роль интеллектуальной собственности для местных авторов и изобретателей.

Поэтому, если мы хотим, чтобы развитие обществ знания пошло на пользу как можно большему числу людей, очень важно обеспечить баланс между защитой интеллектуальной собственности и развитием общественной области знания[20]. Такой баланс не сводится к часто упоминаемому противостоянию между производителями и пользователями контента, или между странами, более и менее развитыми в сфере знания – как если бы речь шла об «игре с нулевым итогом», где интересы сторон не могут суммироваться. Методом для решения этой задачи могла бы стать, как рекомендует Джеймс Бойл, оценка последствий принятия любых новых мер по защите интеллектуальной собственности для интеллектуальной окружающей среды. Подобная попытка примирения имеющихся интересов могла бы привести к сбалансированному развитию трех областей присвоения знания: защищенной области, которую в рамках действующих законов временно присвоил себе частный сектор; области, связанной с государственным сектором; и, наконец, общественной области в строгом смысле этого слова, которая должна быть доступной для всех[21].

Способствовать всеобщему доступу к знаниям, являющимся общественным достоянием

Как подчеркивается в «*Рекомендациях о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству*», общественная сфера информации или знания состоит «из информации, доступной для общества, использование которой не наносит ущерба никаким законным правам и никаким обязательствам по соблюдению конфиденциальности. Она охватывает также совокупность произведений или предметов, являющихся объектами смежных прав, которые могут быть использованы кем-либо без разрешения, например, в силу того, что их защита не гарантируется национальным или международным правом, или в силу истечения срока защиты. Она охватывает и данные, являющиеся общественным достоянием, и официальную информацию, которую производят и добровольно предоставляют в распоряжение общества правительства и международные организации». Таким образом, для общества в целом не встает вопрос о присвоении знания и о расшире-

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

нии области общественного достояния, поскольку большая часть фундаментальных знаний, которые могут стать инструментом человеческого развития, например, математика, сведения о температуре кипения воды, свойствах электрического тока или базовые знания в области медицины, принадлежат общественной сфере. Вопрос о присвоении знания приобретает настоящее значение только в сфере международного соревнования, сопровождающего появление глобальной экономики знаний. Однако всеобщий доступ к знанию, являющемуся общественным достоянием, будучи гарантированным де юре, еще далек от того, чтобы стать фактом. При этом он является необходимой предпосылкой, без которой невозможно использование развития знаний на благо всего человечества.

Не возвращаясь к техническим и политическим решениям, позволяющим бороться с «цифровым разрывом», и к необходимости способствовать развитию образования для всех на протяжении всей жизни, важно подчеркнуть, что поощрение всеобщего доступа к знаниям (или к информации), являющимся общественным достоянием, могло бы быть существенно облегчено за счет обобщения обоих направлений действия. Эти направления, даже несмотря на недавнее усиление защиты прав на интеллектуальную собственность, отличаются своим открытым характером и готовностью к сотрудничеству: речь идет, в первую очередь, о поощрении признания ограничений и исключений, установленных законами и договорами об авторских правах (например, практики «законного использования» контента), а во вторую очередь, о практике совместного творчества (хорошо известным примером может служить *Open Source Initiative*). Такое признание ограничений и исключений в отношении авторских прав означает примирение с некоторыми видами практики, например, с практикой частного копирования, до тех пор, пока оно не предпринимается с коммерческими целями или не наносит ущерб обладателям прав на защищенное произведение. «Законное использование» (*fair use*) характеризует так называемые «открытые» режимы национальных законодательств в отношении исключений и ограничений прав авторов и других правообладателей (в некоторых, четко определенных случаях, например, когда культурные произведения и услуги используются в некоммерческих целях, в рамках задач, представляющих общий интерес, и когда использование не наносит ущерб нормальному использованию произведений). Режим такого типа действует, например, в Соединенных Штатах. Существуют, однако, и другие режимы, так называемые «полузакрытые», например, *fair dealing*, преобладающий в Великобритании, или «закрытые», с определенным списком ограничений и исключений, допускаемых законом, как в континентальной Европе. Сегодня новые механизмы лицензирования, действующие в отношении исследовательских учреждений развивающихся стран, представляют собой попытку дать адекватный ответ на потенциальное сокращение поля этих ограничений и исключений в цифровой сфере, причем данный ответ мог бы основываться как на применении технических мер, сужающих сферу несанкционированного доступа к произведениям и представлениям, так и на развитии систем цифрового управления правами.

Практика совместного творчества позволяет создать для пользователей возможности самостоятельной разработки используемых ими инструментов, поощряя тем самым пользователей к тому, чтобы самим становиться создателями знания. Кроме того, она показывает, каким образом знание, введенное в определенный контекст, может быть реинвестировано в более масштабные проекты, далеко выходящие за пределы исходного локального контекста. Принцип совместного творчества основан на идее бесконкурентной коллективной разработки (данное понятие мы уже упоминали в связи с *совместным использованием знаний*. И вследствие этого, развитие программ *Open Source*, таких, как Linux (см. вставку 10.9), действительно дает шанс на продвижение практики сотрудничества в сфере знания и заслуживает в этой связи совершенно особого внимания.

Наконец, следует проводить различие между информацией, относящейся к сфере общественного достояния, и информацией, защищенной обязательствами по соблюдению конфиденциальности или контролю над возможным ее использованием, идет ли речь о причинах, связанных с защитой частной жизни (*privacy*), национальной безопасностью или с тайной коммерческих переговоров. В отличие от второй категории информации, первая (та, что относится к сфере общественного достояния) создана для распространения. С этой точки зрения, совершенно очевидно, что органы государственной власти могут сыграть огромную роль в предоставлении информации, относящейся к сфере общественного достояния. Разумеется, как мы уже видели, это не

Вставка 10.9 Свободные компьютерные программы и « *Open Source* »

Развитие свободно распространяемых программ и программ « open source » (в буквальном переводе – «с открытым исходным кодом») породило новые способы создания знаний и их совместного использования. Программу называют «open source», если ее исходный код и базовые компоненты ее концепции доступны для всех, в отличие от преобладавшей до сих пор формы так называемых программ «собственников», в которых код недоступен, считается секретным и, следовательно, закрытым. Эта модель развития, называемая «собственнической», основывается на разделении сфер компетенции создателя и пользователя программы, соответственно. Огромные перемены, вызванные появлением свободных программ и программ «*open source*», связаны с возможностью общего использования исходных кодов, обеспечивающей изучение, редактирование и совершенствование этих программ методом итерации. В самом деле, любой человек, разбирающийся в компьютерном программировании, может изучить исходный код такой программы и, следовательно, исправить и улучшить ее, самостоятельно или в сотрудничестве с другими. Затем он может предложить эти изменения другим разработчикам и пользователям программы внутри сообщества совместного пользования и обсудить их с ними. Если модификация будет принята сообществом, модифицированная и улучшенная программа становится новой базовой версией лучшего качества, используемой совместно всем сообществом. Таким образом, свободно распространяемые программы и программы « open source » представляют собой новый вариант подхода к инновациям в качестве децентрализованного и коллективного предприятия. Поскольку процесс разработки носит характер совместной работы, он обеспечивает, кроме того, новый способ сотрудничества и коллективного обучения, а они представляют собой один из факторов успеха модели, основанной на эффективном разделении когнитивного труда и позволяющей разным его участникам сосредоточиться на тех областях, которые им особенно интересны и в которых они обладают особыми знаниями.

Кроме того, распространение свободных программ и программ «*open source*» вводит не только модель разработки, но и новую экономическую модель, поскольку не требует дорогостоящих инвестиций в НИОКР и в патентование. Именно поэтому оно уже широко используется в большинстве совместных проектов, связанных с Интернетом, в форме бесплатно распространяемых открытых программ, разработанных на добровольной основе и имеющих модульное исполнение (свободные программы).

В целом, модель разработки свободных программ и программ «open source» может представлять собой перспективный способ сокращения последствий введения ограничивающих свободу (или закрытых) стандартов и их присвоения в обществах знания. Действительно, как уже было показано, можно опасаться, что стандартизация форматов приведет к производству закрытых стандартов (в отличие от понятия открытых стандартов) в отношении обработки контентов, что идет вразрез с задачей превращения новых технологий в пространство свободы и растущего потенциала. Стандартизацию не следует уподоблять унификации, она должна быть направлена на поиск равновесия между необходимостью способствовать творчеству и свободе культуры и требованием использования общих кодов. Модель разработки свободных программ показывает, что проблема унификации заложена не в общую или даже универсальную природу существующих кодов, а в способ, которым они были созданы: таким образом, речь идет о противопоставлении друг другу не стандартизации и отсутствия стандартов, а открытых и закрытых стандартов. Для того, чтобы стандарт действительно приносил пользу, он должен быть доступен во всем мире и не подпадать под какие-либо положения, ограничивающие его использование.

должно привести к тому, чтобы различие между знанием, относящимся к сфере общественного достояния, и интеллектуальной собственностью сводилось к различию между общественной и частной сферами. Многие государственные научные лаборатории патентуют свои открытия, поскольку они могут способствовать окупаемости инвестиций или могуществу финансирующего их государства. В то же время развитие управления в режиме «он-лайн» открыло многообещающие перспективы в плане возможного вклада государственной власти в знание, относящееся к сфере общественного достояния[22].

Обновление демократического общественного пространства в обществах знания

Благоприятный эффект для общества от совместного пользования знаниями не ограничивается созданием новых знаний, распространением знаний, относя-

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

щихся к сфере общественного достояния или сокращением когнитивного разрыва. Понятие совместного использования знаний подразумевает значительно больше, чем всеобщий *доступ* к знанию, пользу от которого получат и создатели, и пользователи знания. Совместное использование знаний, будучи двигателем таких ценностей, как открытость, доверие, любознательность, обмен и сотрудничество, источником самостоятельности и духа инициативы, апеллирует к активному *участию* каждого в жизни общества. В этих условиях общества знания смогут стать «обществами знания для всех» только благодаря новым формам участия всех в жизни общества. Таким образом, мы переходим от проблем совместного пользования знаниями как общим благом (*res communes*) к вопросу о коллективном участии в общем деле (*res publicae*). Однако разве развитие обществ знания не имеет огромных последствий для общественной жизни, для управления или для способов жизни в обществе? Разве оно не может способствовать обновлению практики демократии в открытых, максимально прозрачных обществах, где соблюдение свобод могло бы стать источником развития как для отдельных людей, так и для всего сообщества? Разве глубокая связь, объединяющая общества знания и демократию, не проявляется в той огромной роли, которую играет знание в жизни демократических обществ и в способности образованных и знающих граждан в полной мере исполнять свой долг в общественном пространстве, а также в их праве на свободное обсуждение решений, принимаемых государственной властью?

Знание и власть в технической демократии

Знание не только стало одним из ключевых элементов экономического развития: оно также способствует развитию человечества и *обретению самостоятельности* (*empowerment*) отдельными людьми. В этом смысле знание является источником власти, поскольку оно создает потенциал и способность действовать. Медленное становление общества знания привело к беспрецедентному увеличению возможностей для действий людей в современных обществах – в первую очередь, это проявляется в рамках демократических институтов, открытых для всеобщего участия. С самого начала афинской демократии составным элементом гражданства являлась дееспособность. Участие в выборах, даже в тех, что на протяжении истории человечества проводились по цензовой системе или на более или менее демократической основе, всегда подразумевало в качестве предварительного условия дееспособность, определение которой претерпевало существенные изменения с течением времени и в зависимости от обстоятельств[23]. Всеобщее избирательное право стало подлинной демократической реальностью только с повсеместным распространением всеобщего образования, с определением понятия совершеннолетия, по достижении которого мужчины и женщины приобретают право голоса и полностью вступают в права гражданства, при условии существования свободных и независимых средств массовой информации. Таким образом, знание является необходимым условием для осуществления политического выбора ради достижения всеобщего блага или общих интересов.

Хотя знание и является условием *подлинной дееспособности* граждан в демократическом обществе, следует остерегаться того, чтобы различия в уровне знаний между гражданами одной и той же демократии не привели к тому, что наиболее образованные среди них получат избыточную власть в публичных дебатах, и чтобы совмещение понятий общества знания и демократического режима не привело к появлению титульной власти как удела ограниченного круга экспертов, специалистов по государственным делам. Ибо авторитет специалиста далеко не всегда является легитимным, особенно когда тот выходит за рамки своей специальности и берет на себя смелость оказывать моральное влияние на решение государственных вопросов, которые чаще всего касаются общих предпочтений и должны решаться на основании здравого смысла. Подозрение в том, что реальные решения принимаются за пределами общественного пространства, на основе заинтересованных позиций могущественных групп, и что демократические дебаты являются чистой формальностью, может легко стать для общественности оправданием отсутствия интереса к политике. Однако разве обобщение опыта в обществах знания не является лучшим средством оградить себя не только от злоупотребления властью экспертов, но и от нажима со стороны групп влияния? Ибо с того момента, как все и каждый станут более или менее способными оценивать опыт и знания специалистов, последние окажутся в ситуации, когда они должны отчитываться перед обществом за последствия своих рекомендаций.

Расцвет обществ знания мог бы открыть путь разным стилям демократии, рассчитанным на большее участие общества, в которых порядок взаимодействия

между разными участниками мог бы иметь решающее влияние, без необходимости пересмотра вопроса о порядке назначения законодателей и руководителей, чья представительская легитимность остается столпом институтов демократии. Фактически, техническая демократия характеризуется отныне разнородностью участников, выявляемых в ходе дискуссий технического или научного характера в рамках смешанных форумов. Уже сегодня, а тем более с развитием обществ знания, научно-политические дебаты (о биоэтике, ГИО, нанотехнологиях и т.д.) немыслимы без участия представителей самых разных кругов – в том числе специалистов, политиков, неправительственных организаций, средств массовой информации, предприятий и граждан. Такая ситуация также поощряет желание обучаться, потому что отныне люди чувствуют себя обязанными быть информированными, прежде чем выносить суждение, не только опирающееся на мнение экспертов, но также и пропущенное через сито свободного гражданского анализа. Общества знания создают, таким образом, возможность демократической экспертизы в рамках того, что политическая мысль называла *обсуждающей демократией*. Действительно, совместное пользование знаниями открывает общие горизонты, способствующие проведению демократических дискуссий, смягчению разногласий и возникновению консенсуса. Таким образом, совместное пользование знаниями не только способствует развитию и распространению знаний или информации, относящихся к сфере общественного достояния. Оно также открывает подлинное *общественное пространство*, место для встреч и демократических дискуссий, где обсуждение средств всегда означает обсуждение целей и, в конечном итоге, ценностей. Так что, как это ни парадоксально, вопрос о смысле и самих горизонтах утопии сохранит - причем в немалой степени - свое место в обществах знания.

Тем не менее, при оценке властных возможностей, приобретаемых благодаря обладанию теми или иными знаниями, нельзя не учитывать властных возможностей, содержащихся внутри самого знания или общества совместного использования знаний. Знание само по себе является местом осуществления власти, так как оно «вклинено» в самую глубину социальных структур, о чем свидетельствует, например, двойное значение слова «солаборатория» (с одной стороны, методология производства знаний, с другой – модель социальных отношений, основанных на сотрудничестве, совместном пользовании и кооперации). Некоторые комментаторы уже подчеркивали, что наука сама по себе является местом властных отношений между членами одного и того сообщества совместного пользования знаниями.

Перспективы электронной демократии и электронной администрации в обществах знания

Новые технологические возможности, сопровождающие появление обществ знания (и являющиеся признаком расцвета всемирного информационного общества), могут также способствовать оснащению демократического участия в жизни общества новыми, весьма многообещающими инструментами. Уже очень давно мечта об участии в политической жизни без принуждения и оплаты, а также попытки рационализации политической активности воплотились в обещание демократии – вначале технологической, затем электронной – в самых разнообразных формах. С появлением первых компьютеров появилась также кибернетическая фантазия о разумном управлении обществами, нашедшая свое воплощение в попытках планирования, в частности, в странах с традициями сильного государства.

Сегодня некоторые эксперты усматривают в Интернете и развитии сетей многообещающие инструменты для установления нового, более демократического типа отношений, хотя уроки истории должны были бы научить нас не впадать в кибероптимизм: каждая революция в области коммуникаций порождала свои лирические иллюзии и утопии о полной и бесконфликтной демократии, быстро опровергавшиеся историей. Тем не менее, новые возможности электронного администрирования (е-администрация) могли бы способствовать укреплению способов демократического *управления*, в частности, в развивающихся странах (см. вставку 10.10).

К обновлению практики демократии в обществах знания?

Доказано ли, что в «подключенных» странах расцвет новых технологий в области демократического участия в жизни общества действительно изменил поведение людей и саму практику демократии? Чтобы ответить на этот вопрос, важно обозначить свое положение относительно трех противоречащих друг другу позиций, иллюстрирующих суждения об электронной демократии: киберпессимизма, киберскептицизма и

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

Вставка 10.10 Электронная администрация в странах Юга

Чаще всего усиление возможностей электронного администрирования является следствием одновременно возрастающего спроса на улучшение качества государственных услуг со стороны управляемых и экономического давления со стороны операторов частного сектора (например, консалтинговых предприятий, специализирующихся в вопросах государственного управления), находящих в нем коммерческий интерес. Подобные модели е-администрирования облегчают взаимодействие между правительством и гражданами (G2C), между правительством и деловыми кругами (G2B) или между разными органами власти в одном и том же государстве (G2G). Интересно отметить, что ряд стран Юга, например, Чили, Бразилия или Индия, выступили в роли экспериментаторов в данной области, в результате чего достигли очень многого с точки зрения управления или отношений между управляющими и управляемыми. Удовлетворенность управляемых можно проиллюстрировать тем фактом, что, даже в тех странах, где доход на душу населения остается низким, люди кажутся готовыми платить небольшие взносы для поддержания онлайновой административной службы. Кроме того, решения, предлагаемые системой электронного администрирования, облегчают предоставление государственными властями знаний или информации, относящейся к сфере общественного достояния. Эти решения могли бы сделать более прозрачной работу администрации, и даже облегчить борьбу с коррупцией. Модернизация, неизбежно сопровождающая внедрение электронного администрирования, могла бы, таким образом, стать мощным ускорителем процесса демократизации.

Конечно, в разных случаях будут выбираться и разные приоритеты: в Африке приоритетной задачей является обеспечение развития долговременных инфраструктур, тогда как в Азии или Латинской Америке усилия должны быть направлены, прежде всего, на поддержание сайтов или качества их контентов. При этом во всех случаях, как представляется, появление обществ знания способствует появлению ожиданий со стороны управляемых, и удовлетворить эти ожидания смогут технические решения, предлагаемые всемирным информационным обществом

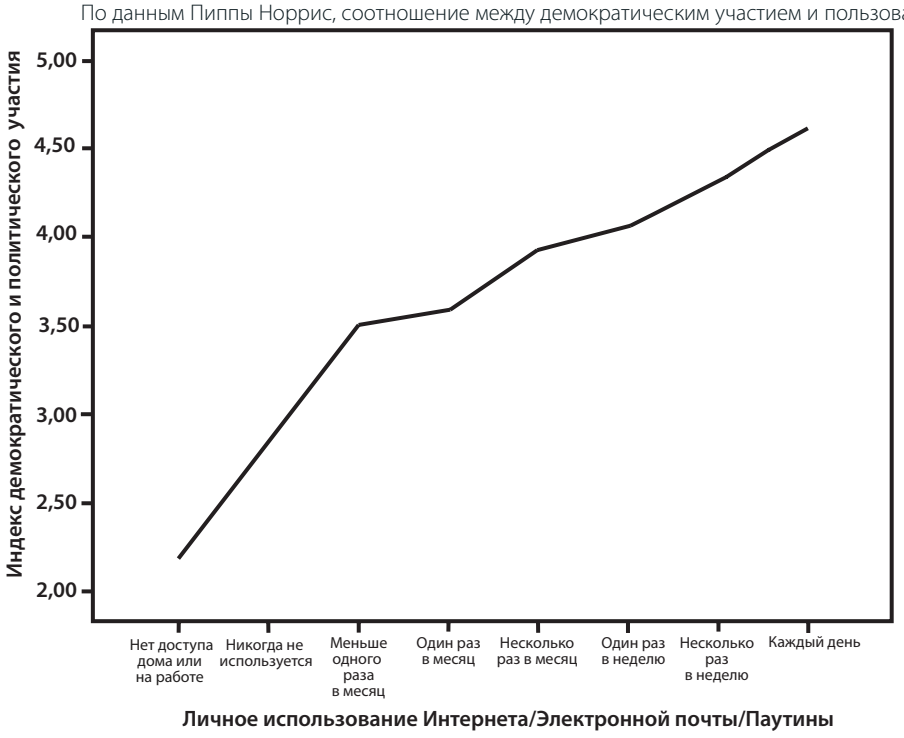
кибероптимизма. Последняя, кстати, сегодня служит мишенью для серьезной критики: ряд авторов полагают, что Паутина не столько предоставляет пространство для дискуссий и аргументации, не столько служит источником терпимости и открытости, сколько создает условия для распространения различных видов идиосинкразии, способствующей радикализации взглядов каждого участника. Известно, что новые технологии в ряде стран в значительной степени изменили природу «политического предложения», что породило новые ожидания со стороны избирателей. Также, по данным некоторых исследований, можно констатировать положительное влияние новых технологий на демократическое участие в жизни общества, в частности, на усиление участия, ориентированного на защиту серьезных целей или сосредоточенного на гражданских обязательствах. Как показано на диаграмме 10.1, в обществах знания использование новых технологий в целях получения информации и формирования мнения по важным вопросам национального или мирового значения приводит скорее к повышению роли ассоциативного *активизма*, чем к подлинному возрождению таких классических форм демократического участия, как голосование или традиционная политическая активность. Разве такое развитие новой формы солидарности, основанной на ассоциативных связях, по сравнению со старой договорной солидарностью, не является яркой иллюстрацией того, что знание может наряду с ценностями стать объединяющим принципом?

Следует ли перед лицом всемирного «бума» ассоциативных явлений, вспомнить о том, что ассоциация заложена в самом принципе демократии? Сделать это - значит, сказать, что развитие самостоятельности отдельных людей и совместного пользования знаниями в обществах знания, вероятно, приведет, с одной стороны, к новому расцвету *ассоциативной демократии*, и, с другой, к появлению *реляционного индивидуализма*, постоянно соотносящихся с чем-то другим, не имеющим ничего общего ни с либеральным индивидуализмом, ни с желанием обобществить все и вся. Это нечто другое находится в узком коридоре, проложенном нами между рифами ложного универсализма и релятивизма.

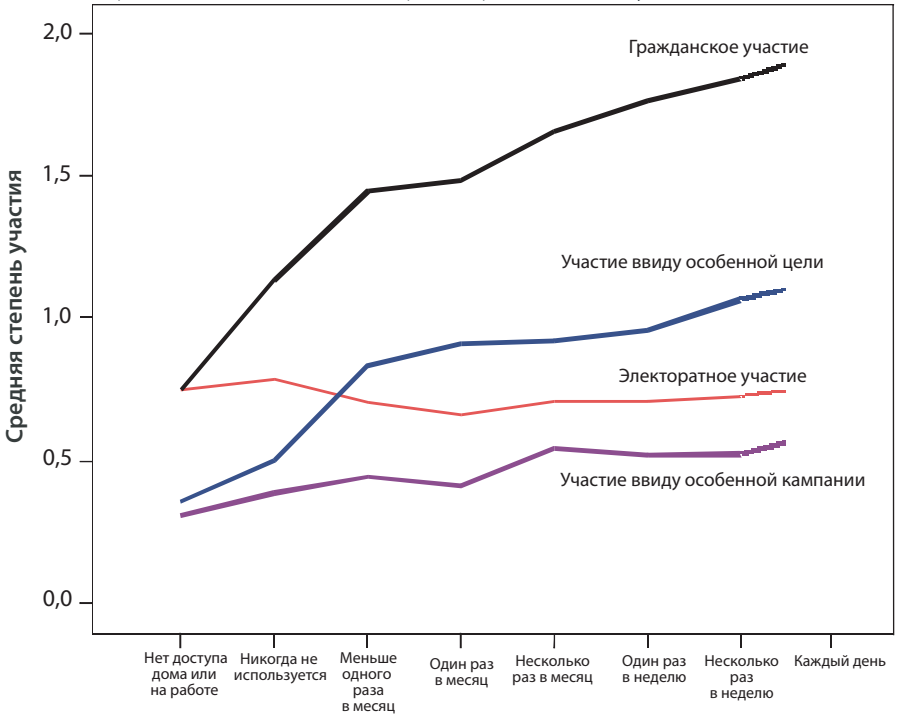
Осознание глобальных рисков, таких как потепление климата или утрата культурного многообразия, а также развитие понятия длительного развития[25], позволяют говорить о появлении «планетного» гражданства, мобилизационные возможности которого увеличиваются в десятки раз благодаря новым техно-

Диаграмма 10.1 Влияние новых технологий на демократическое участие в Европейском Союзе

По данным Пиппы Норрис, соотношение между демократическим участием и пользованием Интернетом



... различается в зависимости от рассматриваемого типа участия:



NB : эти данные, взятые из European Statistical Survey, относятся только к странам Европы[24].

К обществам знания — ISBN 92-3-404000-7 — © ЮНЕСКО 2005 г.

логиям и возможности транснациональной организации[26]. Так, общества знания могли бы осуществить то, что не удалось в полной мере информационному обществу – добиться развития подлинного смыслового взаимопонимания, диалога между культурами и новых форм демократического сотрудничества.

Если кризис политического участия можно связать с отсутствием проектов в современных обществах, пораженных безразличием и потерей интереса к общему благу или коллективным действиям, то именно появление обществ знания могло бы стать доказательством в пользу нового отношения к времени, основанного на *этике будущего*. Ибо знание, основанное на изучении длительных процессов и само по себе ассоциирующееся с терпением и временем, по определению не может быть привязано к коротким срокам. Повернутое одновременно и к самому отдаленному прошлому, и к самому далекому будущему, связанное как с историей, так и с завтрашним днем, знание нуждается в удаленных горизонтах, что позволяет нам сделать шаг назад и занять критическую позицию в отношении обрушивающегося на нас потока информации. Это не значит, что знание должно заставить нас укрыться в башнях из слоновой кости. Напротив, в обществах знания соображения долгосрочного порядка приведут нас к более внимательному изучению нашего выбора и наших решений в свете их возможных последствий. Демократия в обществах знания должна, таким образом, быть *демократией прогнозирования*. Кроме того, участие в ней должно быть более широким, она должна быть открыта для предоставления слова каждому и для умножения пространств обмена и местных форумов. Если развитие пойдет по этому пути, то появятся законные основания надеяться, что общества знания станут местом обновления форм солидарности. Ибо последние больше нельзя будет привязывать к понятию общественного договора, постоянно продлеваемого в настоящем и не принимающего в расчет будущие поколения. Может быть, на смену ему придет форма, которую принимает договор продолжительного действия - форма совместной реализации какого-либо проекта.

Публикации, использованные для подготовки

М. Аскуэта (2001 г.); М. Бакус (2001 г.); Всемирный банк (2003 г.); Б.Р. Барбер (1998 г.); П. Бурдье (2004 г.); Дж. Бойл (2003 г. и 2004 г.); К.А.Брага, К. Финк, К.Р. Сепульведа (2000 г.); Д. Коэн (2004 г.); К.М. Корреа (2003 г.); Е. Деламоника, с. Мехротра, Д. Ванде Муртель (2001 г.); Х.-Д. Эверс (2002 г.); Д. Эвинг (2003 г.); Б. Фишер (1996 г.); П. Флиши (2002 г.); К. Форero-Пинеда, Х. Джарамилло-Салазар (2002 г.); Х. Фредерик (1993 г.); М. Гиббонс., Ш. Лимож, Е. Новотны, С. Шварцман, П. Скотт (1994 г.); А. Гидденс (1986 и 1990 г.); А. М. Гетс (2001 г.); П. Голдинг (1996 г.); К. Граццiано (1988 г.); Дж. Хабермас (1971 г.); В. Хариаран (2004 г.); Б. Хугенхольц (2000 г.); С. Карлссон (2002 г.); И. Каул, И. Грюнберг, М.А. Штерн (1999 г.); К. Кнорр- Цетина (1998 г.); П. Коллок (1999 г.); П. Лакум (1999 г.); Л. Лессиг (2001 г.); Е. Лонгворт (2000 г.); Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology) (1999 г.); М. Мингс, Т. Келли (2002 г.); Д.П. Муанихан (1998 г.); Международная Организация Труда (МОТ) (2001 г.); А. Персо (2001 г.); PJB Associates (2003 г.); ПРООН (2003 и 2004 г.); М. Постер (1997 г.); Ф. Ривьер (2003 г.); С. Родота (1999 г.); Ф. Сагасти (2004 b и 2004 c); Ж.-Ж. Саломон (2001 г.); Ж. Скиадас (2004 г.); Р. Сооriамурти, В. Шрум (2004 г.); Й.Е. Штиглиц Е. (1999 г.); Р. Сью (2001 г.); К. Сэнштайн (2001 г.); И. Туоми (2004 г.); ЮНЕСКО (2001 c, 2003 g, 2003 h и 2004 a); Т. Ведель (2003 г.); К. Висванат, Дж.Р. Финнеган (1996 г.); А. Ваде (2004 г.); Н. Вьенер (1948 г.).